

УДК 930.1(1/38)

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-42-55

ПОВЕРЯ ЧУЖОЕ НАСТОЯЩЕЕ СОБСТВЕННЫМ ПРОШЛЫМ (К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЭМИГРАНТСКОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА)

В. П. Корзун

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644053, Омск, Нефтезаводская ул., 11
Korzunv@mail.ru

Анализируются историографические тексты русских историков-эмигрантов первой волны, в которых осмысливался советский историографический процесс 1920–1930-х гг. Актуальность исследования связана как с недостаточной изученностью историографических текстов, созданных в этот период в эмиграции, так и с нарративным поворотом современной исторической науки, с опытами понимания структуры и характера советского нарратива. Исследование нарративов позволяет уйти от общих оценок советского этапа историографии к более конкретному его описанию через изучение стилистики текста, вычленение стандартов и определения уникальности их построения с пристальным вниманием к проблемам их унификации. Прояснить и уточнить этот процесс можно через призму «эмигрантского зеркала». Источниковую базу составили историографические тексты П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.В. Флоровского, Е.Ф. Максимовича в виде опубликованных трудов и рукописного наследия. На основании текстологического анализа и наработок в области интеллектуальной истории выделяются унифицирующие черты эмигрантского нарратива. К ним относятся 1) понимание учеными их особой миссии в эмиграции – хранить историографическую традицию и представить мировому сообществу русскую историческую науку как часть мировой науки; 2) пристальное внимание к классикам, ориентация на традицию; 3) оценка историографического процесса в рамках референтного времени, «золотого» века дореволюционной исторической науки (конец XIX – начало XX в.); 4) констатация отсутствия свободы исследования, монополии марксистской методологии и гипертрофированного классового подхода применительно к историческим взглядам историков; 5) изменение формы и внутренней структуры классического нарратива – повышается удельный вес рецензий, обзоров литературы, некрологов; 6) фигура М.Н. Покровского выступает в качестве объекта акцентированной неприязни и в то же время фактора построения эмигрантского нарратива, его унификации.

Ключевые слова: эмигрантский русский историографический нарратив, объясняющий рассказ, советский историографический процесс, референтное время, классики, марксистская методология.

Великий житейский принцип «все познается в сравнении» верен и для истории науки, для историков-эмигрантов, пожалуй, в особенности. Выброшенные, «как бильярдные шары из луз», из привычной житейской и научной повседневности, они сталкиваются с задачей «переоткрытия себя», обретения устойчивой социальности. В научном плане они пытаются добиться этого путем дления/творения классической академической традиции. Положение их противоречиво-парадоксально – ученики/современники великих старых историков в условиях «вздыбившейся социальности» вынуждены были снова и снова настраивать свою исследовательскую оптику, подыскивать оптимальный угол наведения, пересматривать иерархию проблематики. Для эмигрантского историографического нарратива 1920–1930-х гг. в ситуации коммуникативного сброса, ценностно-методологического разрыва с формирующейся советской историографией сравнительный анализ «враждебного чужого» – историографии «марксистско-ленинского извода» – был не менее значим, чем следование нормам высокого дореволюционного профессионализма. Собственно эмигрантский историографический нарратив создавался в значительной мере как совокупность реакций на происходящее в советской исторической науке. Это «принципиально чужое» было в то же время для них и несостоявшимся своим, вызванным внаучными обстоятельствами – искажением естественного хода историографического процесса, по-

явлением агрессивной альтернативы, претендовавшей на абсолютную истину и вынуждавшей историков-эмигрантов отвечать на извечный вопрос «to be or not to be».

Высказанные нами общие предположения нуждаются в прояснении. В фокусе данной статьи – историографические тексты русских историков-эмигрантов первой волны, в которых осмысливался советский историографический процесс. И если их исторические взгляды активно изучаются в современной российской литературе, то историографические построения историков-эмигрантов представлены весьма фрагментарно [Аксенова, 1994, 1997; Корзун, 2001; Папуто, 1992; Цепилова, 2005, 2009]. В самое последнее время омскими исследователями в рамках проекта РФФИ «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке советских и эмигрантских историков. 1920–1930-е годы» анализируются историографические взгляды П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.В. Флоровского и Е.Ф. Максимовича [Волошина, Корзун, 2017; Волошина, Корзун, 2019; Волошина, Корзун, 2020; Корзун, 2019]. Интерес к данной теме связан не только с малоизученностью историографического наследия зарубежья. Он инициирован скорее опытами изучения структуры и характера советского нарратива, который начинает осмысливаться и проблематизироваться в рамках нарративного поворота [Антощенко, 2001; Шатин, 2002; Крих, 2020]. Насколько его характеристики уникальны/универсальны? Как на базе общей культурной почвы, но в различных социально-политических условиях рождаются, формируются, закрепляются правила организации текста и закладываются различные аксиологические установки? Для современного историка науки чрезвычайно значим не только взгляд на историографический процесс по другую сторону баррикад, но и опыт реформирования классического историографического нарратива, сложившегося к концу XIX – начала XX в. «Эмигрантское зеркало» в этом плане интересно и само по себе, и как возможность прояснить черты образа советского историографического нарратива – но это в перспективе.

Для начала определимся с понятием историографического нарратива, хотя заметим, что в исследовательской литературе говорится преимущественно об историческом нарративе и, более того, эти понятия чаще всего упоминаются как синонимы. Под историографическим нарративом мы подразумеваем авторскую интерпретацию историографического прошлого через согласование историографических текстов предшественников и создание историографического образа, обладающего известной целостностью, автономностью по отношению к рассматриваемой историографической действительности. Ядром историографического нарратива является хронологически организованный, объясняющий рассказ об историографическом процессе¹ с пристальным вниманием к его акторам. При этом стоит учитывать, что нарративы эмигрантских историков конструировались в сложный период, когда не только происходят социальные трансформации, но и наблюдается процесс смены/сосуществования научных парадигм (классики и неклассики). Это неизбежно сказывалось на понимании функции науки и ее места в культуре, на словаре описаний и интерпретаций историографического процесса, а также на самих формах организации текста – на структуре нарратива. Общепринятое утверждение, согласно которому нарративистский подход дает возможность актуализировать приоритет авторского замысла над фактическим материалом, применимо и к историографическому нарративу. Акцентирование авторского замысла, с одной стороны, позволяет увидеть многообразие описаний даже в рамках одной традиции, а с другой – создает сложности в понимании историографического процесса как целостности. Познавательная ситуация усугубляется и тем, что, как справедливо отмечает Ю.Л. Троицкий, «историографический нарратив в определенной мере пишет себя сам... при помощи историка, <...> всегда рождая неожиданные дополнительные смыслы помимо авторского намерения» [Троицкий, 2010, с. 105, 107].

В эмиграции в этот период историографических текстов было создано не так много. Интерес к текущему историографическому процессу в Советской России был характерен для А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, А.В. Флоровского, И.И. Гапановича, Е.Ф. Максимовича и др. Названные историки были либо участниками, либо свидетелями бурного процесса институционализации историографии как дисциплины в отечественной научной традиции конца XIX – начала XX в. «Некоторые из них прошли непосредственную выучку у классиков русской историографии, некоторые сами выбились в классики – например, П.Н. Милюков» [Корзун, 2018, с. 465–466]. Указанные историки-эмигранты – почти классический вариант историографического «Святого семейства», отцов и детей, представителей разных поколений, связанных

одной задачей – дления академической традиции в новом социальном контексте. За пределами нашего внимания пока остались историографические нарративы И.И. Гапановича (*Gapanovich*, 1935) и А.Г. Мазура (*Mazour*, 1939). Это дело будущего. В качестве объяснения отметим, что они в 1930-е гг. лишь бегло касались проблематики советской историографии, хотя, безусловно, заслуживает внимания небольшая по объему глава в работе А.Г. Мазура, посвященная М.Н. Покровскому (*Mazour*, 1939, р. 83–97). Но отнесение А.Г. Мазура к историкам-эмигрантам проблематично: к эмигрантам – безусловно «да», но историческое образование он получил в США и стал известным в научном сообществе как американский историк-славист.

Рассматриваемые нами историографические тексты позволяют составить более-менее целостное представление об эмигрантском историографическом нарративе как таковом, при этом, естественно, учитывается индивидуальный почерк каждого из названных авторов. Оценка советского историографического процесса в эмигрантской литературе реактивна и лаконична. Почти отсутствуют работы обобщающего плана, в которых бы анализировалось развитие исторической науки в Советской России, преобладает жанр, обычно рассматриваемый как периферийный, – рецензии, библиографические обзоры, краткие аннотации литературы. Особое место в этом ряду принадлежит некрологам и юбилейным коммеморациям в периодической печати.

Смыслообразующим стержнем, обеспечившим унификацию эмигрантского нарратива, было осознание учеными своей особой духовной миссии, своей роли носителей великой научно-культурной традиции. По словам яркого представителя эмигрантской науки А.В. Флоровского, осмысливающего ситуацию в привычных для него научных рамках, «русские ученые в эмиграции находятся как бы в командировке, о которой каждый должен дать и давать соответствующий отчет» (АРАН.Ф. 1609. Оп.1. Д. 3. Л. 2). Эту фразу, впервые произнесенную им в апреле 1923 г. на совещании историков в Праге, когда в рамках «русского проекта» предпринимается попытка реконструировать отечественное академическое пространство, историк затем неоднократно повторяет. По существу метафора Флоровского «мы не в изгнании, а в научной командировке» – это своеобразный сциентистский парафраз Д.С. Мережковского: «мы не в изгнании – мы в послании», хотя отметим, что в литературе до сих пор сохраняются споры об авторстве этого метафорического выражения.

Характерной чертой эмигрантского историографического нарратива является конструирование историографического процесса в рамках референтного времени, «золотого» века до-революционной исторической науки (конец XIX – начало XX в.). А критерием его оценки выступает соответствие/несоответствие практикам московской и петербургской научных школ. Указанная черта отчетливо просматривается в работах А.А. Кизеветтера и П.Н. Милюкова. Так, Кизеветтер в статье «Научно-историческая литература в современной России» (1923) выделяет тексты московских ученых, большая часть которых принадлежала к школе В.О. Ключевского. Он включает в список «обширных фундаментальных» работ исследование М.К. Любавского по истории русской колонизации Малороссии, работы Ю.В. Готье о провинциальной администрации в России XVIII в., очерки С.В. Бахрушина по социально-экономической истории Сибири XVII в., диссертацию В.Н. Бочкарева о функционировании губернской реформы 1775 г. (*Кизеветтер*, 1923, с. 394–395). В то же время среди этой генерации историков, и не только московских, и не только историков-отечественников, он фиксирует тягу к публицистике и с нескрываемой иронией пишет, как «злоба дня» сказала на текстах Р.Ю. Виппера об Иване Грозном, С.Ф. Платонова о Борисе Годунове и др. Но в общем поколению «старых историков» противопоставляется убожество «ушибленных марксизмом» советских историков. Отношение Кизеветтера к советско-марксистской историографии эволюционирует от пренебрежительного игнорирования «разных "Красных архивов" специфической окраски» до раздраженно-критического восприятия ранней советской исторической и историографической конкретики. В оценках его наличествует как профессиональная составляющая (мастер оценивает начинающих), так и конфликт традиций и ценностей (не признаю за чужим права на существование и развитие)» [*Волюшина, Корзун*, 2017, с. 58].

В наибольшей степени неприемлемыми для Кизеветтера оказываются ранние, прямолинейно радикализованные проявления советских историографических практик с претензией на обобщение, хотя бы потому, что молодые авторы-марксисты предпринимают попытку «отряхнуть с ног своих прах» старой отечественной историографии и позитивистской тради-

ции, к которой принадлежит сам историк. Речь идет о сборнике статей «Русская историческая наука в классовом освещении», автором предисловия к нему и редактором был М.Н. Покровский. В развернутой рецензии на этот сборник Кизеветтер достаточно убедительно демонстрирует «дурную бесконечность» прямолинейной классовой детерминации, приводящей к тому, что в рамках становящегося советского нарратива объясняющий рассказ сплошь и рядом «нечувствительно перетекает» в инкриминирующий, а внутренняя взаимосвязанность историографических событий подменяется поверхностной склейкой «отражения классовых интересов». Рецензент с мастерством опытного историографа и злорадством идейного противника фиксирует «родовые травмы» советской историографии, главной из которых, как следует из контекста, является одномерность, содержательная бедность наррации – «тощая прямолинейность казенно-большевистской исторической доктрины» с ее гипертрофированной социальностью, ориентация авторов «на голос учителя» («горячо любимого» историками-эмигрантами М.Н. Покровского. – В.К.). С этим связаны по логике изложения и агрессивные методы самоутверждения советской наррации – в рамках ее адекватное восприятие корифеев дореволюционной историографии невозможно, главным же критерием становится то, насколько они «не дотягивали до марксизма». Соответственно и оценка домарксистских классиков в советской историографии, по Кизеветтеру, находится либо на грани научности, либо за ее пределами. «Комичное получается зрелище, – пишет историк, – когда разные никому не ведомые г.г. Рубачи, Лидаки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившие о себе печатными работами, как г-жа Нечкина, строго разносят за недомыслие и историческую неосведомленность Чичерина, Соловьева, Ключевского, Милюкова» [Кизеветтер, 1931, с. 514–515], тем более прибегают к обличениям «не столько наивным, сколько нахальным» (цит. по: [Волошина, Корзун, 2017, с. 60]). Так, Чичерин предстает как выразитель лжи и лицемерия буржуазной науки, Милюков – как лжец и грязный клеветник. Оценки Кизеветтера коррелируют с современными представлениями о советском историографическом нарративе, в котором выделяются такие черты, как агрессивность, повышенная аксиологичность и редукционизм [Шатин, 2002, с. 102].

В то же время отметим, что рецензент воспринимает советский нарратив в статике. Его возможность к саморазвитию, хотя и ограниченному жесткой социальной регуляцией, не улавливается историком. Исключения (хвалимые им М.В. Нечкина за элементы объективизма при описании исторических взглядов В.О. Ключевского и З. Лозинский – при характеристике взглядов С.М. Соловьева), по логике рассуждения автора, только подтверждают правило – «историки, ушибленные марксизмом, обречены на топтание на месте» (Кизеветтер, 1923, с. 396). Кизеветтер не угадывает тот дрейф в направлении историзма, «переоткрытие исторического», которое наблюдается на советском историческом поле уже в 1930-е гг. и носителями которого выступают многие его коллеги, переоткрывающие себя как советские историки. Он предстает как защитник классического образа науки (в нашем случае – позитивистского), перед нами нарратив, имеющий существенные черты сходства с критикуемой им задорной молодежью, юностью советской наррации. Для последних в отношении всего, что не соответствовало радикализованному марксизму, действовала презумпция виновности, а для Кизеветтера, как свидетельствует его творческий путь, подлинная научность существовала главным образом в рамках добротного классического позитивизма. Такая аксиология не предполагала диалога, интеллектуальный трансфер оказывался заблокированным.

В историографической наррации мэтра отечественной историографии П.Н. Милюкова роль референтного времени в оценке отечественного историографического процесса принадлежит также концу XIX – началу XX в., но несколько меняется механизм референции. Милюков, снискавший себе в дореволюционной историографии заслуженную известность критика и концептуалиста, не создал ожидаемой целостной картины советской исторической науки. Даже в трехтомнике «Histoires de Russie», который был предназначен для широкой французской аудитории (Paris, 1932–1933) и в котором Милюков выступил в качестве редактора и одного из авторов, отсутствует обзор советской историографии. В его работах советская историография рассматривается фрагментарно через творчество знаковых историков, через посвященные им мемории. Но наррация Милюкова по сравнению с наррацией Кизеветтера более историографична, исторически подробна и аналитична. Момент объясняющего рассказа в ней гораздо более выражен. В мемориальных текстах Милюкова прочитывается профессионально-

личностный облик классика-современника, блестящего представителя дореволюционной традиции московской либо петербургской научной школы. Историки-эмигранты, как и продолжающий свою научную деятельность на советской почве С.Ф. Платонов, рассматриваются Милюковым преимущественно в качестве носителей традиционной схолярности (в различных ее вариантах), и на этом основании они могут быть объединены в рамках одной мемориальной публикации (например, А.А. Кизеветтер и С.Ф. Платонов, даты их смерти почти совпали). В мемориях Милюкова фиксируются индивидуальные черты каждого из историков и в то же время прорисовывается обобщенный портрет историка референтной эпохи. Показателен пример описания индивидуальных черт, хотя индивидуальное и позитивно-коллективное в мемориях его развести трудно, даже когда речь заходит о внешности и манере поведения. Так, у Платонова, «столичной штучки», сердечная теплота «скрывается под светской маской», и «добраться до нее нелегко». «Напротив, Кизеветтер с его искрящимися глазами, с его бородой Черномора, – побелевшей от времени, – так весь и просится наружу <...> В моей родной Москве <...> и в ее культурной среде <...> ношение маски не поощряется нравами» (Милюков, 1933, с. 314).

Научная традиционность не исключает, а предполагает актуальность, социальную востребованность исследований, логика науки коррелирует с логикой самой жизни. Концептуальность знаменитого труда С.Ф. Платонова «Очерки Смуты», издававшегося и переиздававшегося в предреволюционные и революционные годы, рассматривается Милюковым в достаточно тесной связке с его политическими взглядами, а работа миросозерцательно близкого ему А.А. Кизеветтера «Посадская община в России в XVIII столетии» оценивается как весьма актуальная для России начала XX в., когда в обществе наблюдается повышенный интерес к проблемам местного самоуправления. Настоящего ученого, по Милюкову, отличает «архивный энтузиазм», тяга к собирательству и подготовительной работе. И в то же время настоящий историк-созидатель концептов, соискатель новых проблем и идей, его схолярная определенность не означает ограниченности. Например, в творчестве С.Ф. Платонова Милюков отмечает влияние московской школы Ключевского. Как истинный историк-петербуржец, С.Ф. Платонов «восстановлению фактов придает то первенствующее значение, которое в московской школе принадлежит объяснению» (Милюков, 1933, с. 319). Но именно с влиянием московской школы Милюков связывает социальные интенции Платонова – и сам выбор темы, и стремление подвести социальный фундамент под каждую группу явлений Смуты.

П.Н. Милюков таким образом создает обобщенный портрет историка-профессионала, интеллектуального героя, и в то же время «святого/жертвы», объекта репрессивного давления советской власти. Милюков пишет о трагическом характере этого давления на судьбы Кизеветтера и Евреинова (Милюков, 1937, с. 15–16), высланных из России, в особенности оставшегося на Родине С.Ф. Платонова, гонения на которого связано было с так называемым «академическим делом». «Преследование С.Ф. Платонова началось в то время (1930г.), когда уровень советской интеллигентности безнадежно понизился, нравы огрубели и сознание полной безответственности и безнаказанности самого варварского поведения возросло до последних пределов» (Милюков, 1933, с. 311). В мемориях Милюкова присутствуют, на наш взгляд, некоторые черты агиографии – святых, как известно, не критикуют или в пределах научного нарратива критикуют по минимуму (к примеру, он высказывает критические замечания по поводу влияния политических воззрений Платонова на его концепцию Смуты). Укажем и на такую особенность структуры мемориального нарратива Милюкова как широкое использование собственных воспоминаний – пересечение в пространстве текста, как правило, двух биографий: героя и самого автора. Воистину, как отмечается в современной исследовательской литературе, «некролог другому есть в определенном смысле и автонекролог, желаемое представление автора некролога о себе самом» [Еремеева, 2019, с. 131].

Элементы критического анализа возвращаются в повествовательный нарратив Милюкова, когда речь заходит о главном оппоненте/антигерое эмигрантской историографии, несомненном лидере советских историков М.Н. Покровском. В подходе к оценке историка Милюков остается верен своему принципу конструирования историографического процесса через призму схолярной референции. В этом плане Покровский рассматривается им как представитель московской исторической школы, входивший в ее научное пространство в начале своего творческого пути, а затем прошедший путь профессиональной деквалификации и оказав-

шийся вне его пределов. Через судьбу Покровского, через «взлет и падение» его, Миллюков в сжатой и персонифицированной форме характеризует направленность развития советской марксистской историографии. В ряду персоналий, опорных точек его повествования, фигура Покровского оказывается наиболее значимой. В 1937 г. в «Современных записках» Миллюков публикует большую статью, посвященную Покровскому. Поводом для ее написания послужил выход учебника А.В. Шестакова для начальной школы (*Шестаков, 1937*). Он стал реализацией постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об учебниках по истории» от 26 января 1936 г. К непроговариваемым причинам написания данного текста отнесем и то, что Покровский ко времени появления статьи стал антигероем, теперь уже и советской историографии, а многие из его коллег попали под репрессивный каток. Финал этот, судя по контексту рассуждений Миллюкова, представляется закономерным – советская историография на начальном этапе развития рассматривается им не как субстанция, а как научный симулякр, производная от политических задач, от которых зависят постоянные и переменные советского историографического дискурса, нарративного его проявления. Покровский, указывает Миллюков, должен был, не покидая исторической почвы, решать политическую по характеру, в сущности невыполнимую сверхзадачу. Требовалось доказать, «что социализм водворился в России при Сталине не каким-то чудесным, сверхъестественным путем, а по всем правилам исторической закономерности, какой требовало учение Маркса» (*Миллюков, 1937, № 65, с. 369*). Ретроспективу принципиальных теоретических споров о степени развития и судьбах капитализма в России требовалось перевести в перспективу политической актуальности. Прямолинейно-схематичный марксистский радикализм Покровского плохо подходил для решения этой задачи, обслуживания сталинского новоперского проекта – частичный возврат к традиционному историописанию, концептуальным наработкам дореволюционной историографии оказался гораздо более функционален.

Историографический нарратив А.В. Флоровского отличается от нарративов Миллюкова и Кизеветтера не только более спокойным эмоциональным градусом – автор не является активным политиком, и политические страсти ему чужды. Флоровский был младшим современником «живых классиков» – Миллюкова, Платонова, Кизеветтера. Начав активную творческую деятельность еще до революции и успешно продолжая ее до высылки из Советской России, он все-таки отстает от признанных мэтров по части научных заслуг. Но именно с ним связана попытка создания целостной картины отечественного историографического процесса, включая советский период, который являлся для него и предметом самостоятельного осмысления. В поле нашего внимания историографическое наследие Флоровского 1920–1930-х гг. В эмиграции историк принимает активное участие в попытках восстановления разорванного коммуникативного поля отечественной и мировой науки, в преодолении последствий процесса, начавшегося, по его разумению, еще в 1914 г. Коммуникативную реставрацию он предлагает осуществить и осуществляет путем библиографической регистрации всей литературы, вышедшей «в период от 1914 г. по вопросам истории России в самом широком смысле этого понятия» (АРАН. Ф.1609. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.). Ему принадлежит целый ряд библиографических обзоров русской и советской литературы (*Флоровский, 1932; Florovskij, 1928, 1930, 1935*), сохранился и рукописный материал по интересующей нас теме (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 3, 46). В эти обзоры инкорпорируются элементы историографического анализа.

Прошедший неплохую источниковедческую и историографическую выучку в Новороссийском университете, он хорошо представлял себе модель историографического исследования, сложившуюся к началу XX столетия. Для нее было характерно рассмотрение историографического процесса в единстве научных, общеполитических, культурных и экзистенциальных факторов, причем научная традиция выступала в роли связующего звена. В результате в пространство историографического анализа Флоровского попадают общие условия развития исторической науки, ее дисциплинарный срез, концептуальные построения историков с фиксацией проблематики исследований, схолярность и институциональность науки, поколенческий состав научного сообщества. В большей или меньшей степени эти элементы присутствуют в его библиографических трудах, правда, в весьма специфической форме. Эпоха, в которой выпало жить и работать Флоровскому, признается им уникальной, «совершенно особой и исключительной по своему характеру» (АРАН. Ф.1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 1), и к ней следует с осторожностью подходить с привычными мерками, пользоваться наработанным научным инструмента-

рием. В текстах историка, посвященных развитию советской исторической науки, безусловно, присутствуют оценочные суждения (он не приемлет отсутствия свободы научного творчества, признания марксизма «единственно научной исторической теорией» – АРАН. Ф. 1609. Оп.1. Д. 46. Л. 2.; SK- T FLOR.Krab. XXXVII. Rukopisy). Но главная задача его – не давать оценки, а профессионально описывать текущий историографический процесс, производить своего рода феноменологическую инвентаризацию, фиксацию того, что имеет место. Как пишет сам историк, он выбирает инвентарный способ описания историографического процесса. Привычный историографический нарратив разбалансируется, происходит его архаизация, бросается в глаза россыпь библиографических описаний. При первом знакомстве с таким текстом возникает ощущение его мозаичности и несвязанности, того, что сродни современному клипу. Однако стягивающим моментом выступает содержание, названия разделов как раз и воспроизводят в телеграфном стиле классическую модель историографического построения. Но она как бы набрасывается на библиографические тексты-аннотации, что четко отражено в работе Флоровского «La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu 1921–1931» (1935, vol. 6–7).

Как нами было отмечено в предшествующих публикациях, важно и другое – «перед нами, своего рода, научный парадокс – именно такой уровень научной аналитики (библиография, инкорпорирующая определенные элементы историографического анализа) оказывается научно плодотворным» [Волошина и др., 2020, № 70, с. 153], позволяющим представить советскую историографию как разноуровневый и разнонаправленный процесс, зафиксировать различные контексты ее существования и функционирования. Достаточно сложным является отношение Флоровского к проблеме бытования марксистской методологии в советской науке. Он фиксирует очевидное – выполнение ею роли идеологической дубинки в советской историографии. В то же время историк пытается прояснить наличие у советского марксизма определенного когнитивного потенциала (по образному выражению А.В. Гордона, стремится «понять Фанона из Фанона» [Гордон, 2018, с. 5]). Соответственно, Флоровский обращает внимание не только на проявление коллективного регресса в советском историографическом пространстве (монополия на истину, монополия на исторический синтез, дискриминация определенных областей исторического исследования – истории церкви, истории права), но и на достижения в разработке проблематики, приоритетной с точки зрения марксистской теории (изучение рабочего класса и крестьянства, этапов освободительного движения в России, вопросов социально-экономического развития и колонизации и т.д.). Особо выделяется им на нарративном поле советской историографии исследование рабочего движения «в связи с историей русской социал-демократии и большевистской ее фракции», этот раздел истории рассматривается как «предыстория Советской власти – ее автобиография» (АРАН. Ф. 1609. Оп.1. Д. 46.. Л. 8; Д. 41. Л. 32;

SK- T FLOR.Krab. XXXVII. Rukopisy). Свидетельством того, что историческая наука живет и развивается, Флоровский считает расширение источниковой базы исследований, публикаторский бум источников Нового и Новейшего времени, массив документальных публикаций, посвященных русскому бунту и революционным событиям в России. В качестве важных новаций им отмечается появление биографических и библиографических словарей. Особо интересным, демонстрирующий приоритеты исследовательской и публикаторской деятельности советской науки он считает словарь «Восстание декабристов. Библиография» (Ченцов, 1929), включающий 4451 работу, в том числе более 800 изданных в советское время в связи со столетием со дня восстания – АРАН. Ф. 1609. Оп.1. Д. 41. Л. 243).

Вместе с тем Флоровский отмечает отсутствие обобщающих работ по истории России историков-немарксистов, поскольку «собственно синтетическая работа становится уделом по преимуществу предводителей официальной исторической идеологии – историков-марксистов», укрепление позиций марксистской школы и признает «значительные успехи советской исторической науки в изучении прошлого России». По его словам, «историческая литература в советской России обильна и богата полноценными плодами» (АРАН. Ф. 1609. Оп.1. Д. 41. Л. 11), и то, «что публикуется в области исторического знания, значительно и серьезно расширяет круг объективных данных, служит и объективному познанию исторических явлений и процессов» (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 4). Такая объективизация задавала качественно новый ракурс изучения советской истории науки в эмиграции. Достаточно четко эту мысль Флоровский фор-

мулирует в набросках доклада (см. [Бондарева, 2001, с. 331–332]), в рукописном варианте статьи (SK-T FLOR. Krab. XXXVII. Rukopisy) и самой статье (*Florovskiy*, 1935, Bd. 9, S. 326-327.).

Рассматривая эволюцию историографического нарратива Флоровского в перспективе, мы видим его готовность и далее строить свое повествование о путях и перепутьях советской историографии с позиций понимания и объяснения. В неопубликованной рецензии на случайно попавшую ему в руки «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна он отмечает, что даже в рамках марксистско-ленинской нормативности оказалось возможным создание историографически наполненного, богатого смыслами исследования (SK-T FLOR. Krab. XXXVI–Recenze N.L. Rubinstejn).

Профессиональный объективизм, выверенность оценок, присущие Флоровскому, разумеется, не были характерны для всей эмиграции. Свое представление об историографическом процессе имели и чернорабочие от науки, каковым, несомненно, являлся Е.Ф. Максимович, выпускник Харьковского университета, оставленный по его окончании в 1917 г. для «подготовки к профессорскому званию», но путь в науку для него оказался прерванным. Он участник белого движения, в 1920 г. вместе с остатками армии Врангеля эвакуируется в Турцию (Галлиполи), затем переезжает в Болгарию, где преподает в русских школах, а с апреля 1923 года обосновывается в ЧСР. В 1924 г. Максимович женился на дочери А.А. Кизеветтера Екатерине Александровне. С этого времени он был «обречен» на жизнь в пражском научном сообществе и через тестя постоянно находится в поле его напряжения. Эти обстоятельства оказали определяющее влияние на складывание образа советской исторической науки в его историографическом нарративе. Оценки Кизеветтера почти дословно воспроизводятся в его историографических текстах приобретают статус нормативности и уже усваиваются.

Непосредственно историографии посвящены две публицистические статьи Максимовича (*Максимович*, 1936; *Maksimovic*, 1938²) и одно эссе (*Maksimovic*). Публицистика предназначалась для оценки советской историографии, эссе посвящено титанам дореволюционной историографии – Карамзину, Ключевскому, Соловьеву. О его интересе к советской историографии свидетельствуют прочитанные им доклады в различных научных учреждениях и обществах. Так, в Археологическом институте им. Н.П. Кондакова Е.Ф. Максимович прочел доклад «О положении современной русской исторической науки» (18 сентября 1936 г.), два доклада он сделал в Русском Свободном университете: «Историческая наука в СССР: последние сдвиги» (20 октября 1936 г.) и «Новый официальный учебник истории СССР и русская историческая наука» (23 ноября 1937 г.) (см.: [Записки..., 1930, с. 188 – 189; Историческая наука, 1998 с. 74, 176, 194, 201; Хроника..., 2001 с. 385, 387, 448]). Оценивая и описывая советскую историографию, Максимович, как нам представляется, в отличие от Флоровского делает акцент на негативных ее чертах, научные моменты в его нарративе поглощаются без остатка политической воронкой. По Максимовичу, «в СССР наука вообще, а история по преимуществу, является работою политики (как в средние века «служанкой богословия»)» (*Максимович*, 1936, с. 409). Антигероем в его нарративе является Покровский, его школа. Согласно Максимовичу, провозглашенный Покровским и его учениками догмат отрицания возможности объективного исторического знания, замены его на политически целесообразную марксистско-ленинскую объективность, является самоубийственным для науки. Подлинной исторической наукой в советской России он считает лишь остатки науки досоветской, домарксистской. Максимовичу, как и Кизеветтеру, свойствен глубокий пессимизм в отношении перспектив развития исторической науки в России. Но взгляд «политического наблюдателя, публициста» позволяет ему предположить «новое усиление коммунистического гнета» и новую волну репрессий против уже «очень немногочисленных» буржуазных историков, что, к сожалению, найдет подтверждение в терроре 1937–1938 гг., а позже в компаниях борьбы с космополитизмом.

Как видим, эмигрантский историографический нарратив различен по построению и содержанию, а также по созданным образам советской исторической науки. Это может быть объяснено индивидуальностью авторов, их поколенческими характеристиками, принадлежностью к различным школам, разными стартовыми позициями и местом в научной иерархии, сложившейся или не сложившейся профессиональной карьерой в эмиграции, наконец, временем появления нарративов (от онлайн-регистрации по горячим следам первых шагов строительства советской исторической науки до осмысления уже сложившегося феномена советской историогра-

фии спустя 10–15 лет). Согласимся с замечанием С. Б. Криха, по существу, программного характера, о необходимости и важности изучения связки «нарратор – (унифицированный) нарратив» с учетом как составной природы нарратива, так и сложной натуры нарратора [Крих, 2020, с. 135].

Тем не менее уже на данном этапе разработки проблемы воспользуемся правом автора выявить в отмеченной вариативности оценок советского историографического процесса некоторые несущие конструкции эмигрантского нарратива. Это прежде всего осознание учеными особой духовной миссии русской научной эмиграции, состоящей в длении вечного – аксиологических ценностей и единого коммуникативного пространства дореволюционной науки, а также в почитании классиков науки – их научное наследие, человеческий и творческий облик воспринимались как непреходящие ценности. Классики идеализировались, а наука классикализировалась, ориентировалась на достигнутое. Гипертрофированный классовый подход, отрицающий сущностную автономность науки, в том числе в отношении к выдающимся историкам прошлого и настоящего, категорически отвергался творцами эмигрантского нарратива. Для ученых-эмигрантов обращение к классикам было не только способом самоидентификации в профессии, но и способом преодоления травматического опыта мировой и особенно гражданской войны, а для многих – и насильственной высылки.

С этим связана еще одна характерная черта эмигрантского нарратива – оценка историографического процесса в рамках референтного времени, «золотого» века дореволюционной исторической науки (конец XIX – начало XX в.). Критерием оценки текущего историографического процесса выступает соответствие опыту московской и петербургской научных школ. Даже «представители нового поколения историков, начинающие свои исследовательские практики в эмиграции, оцениваются на предмет соответствия этим определяющим школам. Как справедливо отмечает польский методолог В. Вжосек, культура постигает мир, используя определенные метафоры. «Метафорические выражения становятся <...> в своем роде эвристическими моделями» [Вжосек, 2019, с.71]. В качестве таких метафор и выступают московская и петербургская школы [Волошина, Корзун, 2020, № 1, с. 88]. Схолярная идеализация приводила к широкому распространению в эмигрантской среде жесткого неприятия советского историографического опыта и консервации прежней историографической традиции. В науковедческом плане подобный феномен именуется эффектом колеи. И чем она глубже, тем труднее из нее выбраться, т. е. избавиться от комплекса подражания. «Колея эта – только моя! Выбирайтесь своей колеёй» – строка из В. Высоцкого как напоминание о необходимости вовремя преодолеть этот комплекс.

Проверка текущего историографического процесса собственным прошлым не лишена противоречий. С одной стороны, этим обеспечивается преемственность историографического познания, подтверждается тезис о самоценности так называемых «устаревших новаций». И в этом плане можно говорить о принципиальном эклектизме науки как культурной традиции. С другой стороны, возвратно-поступательный характер развития науки таит в себе замыкание на старом. Абсолютизация традиции приводит к блокированию интеллектуальных трансферов. Справедливости ради отметим, что рассматриваемые нами тексты Флоровского, публикации в весьма популярной либерально-эмигрантской газете «Последние новости» свидетельствуют о том, что элементы научного позитива на советской историографической почве все же фиксировались. В качестве таковых воспринималось не идеологизированное знание – публикация новых документов, освещение достижений АН СССР в связи с ее 200-летием, восстановление преподавания истории в школе и высших учебных заведениях и т.д.

Меняется не только содержание, но и форма историографических текстов; дробность и разорванность историографического процесса стимулирует переход к нарративу малых форм, повышается удельный вес рецензий, обзоров литературы, некрологов в структуре эмигрантского нарратива. Отмечаются элементы архаизации классического историографического нарратива: если историографический процесс в Советской России невозможно до конца объяснить, то надо хотя бы суметь зарегистрировать выходящую историческую литературу. Библиография инкорпорирует определенные элементы историографического анализа. Этот инвентарно-регистрационный подход, огрубляющий прежний исследовательский инструментарий, используемый в творчестве А.В. Флоровского, позволил представить содержательную сложность

внутренней структуры советской исторической науки. Сравнивая советский и эмигрантский историографические нарративы, обратим внимание на то, что в равной степени унифицирующим фактором, стягивающим тексты, придающим им напряжение и особый эмоциональный заряд, выступают фигуры-антагонисты, вызывающие огонь на себя. В советском варианте – П.Н. Миллюков, в эмигрантском – М.Н. Покровский.

Завершая статью, зафиксируем явление несколько парадоксальное. Единство отечественного историографического процесса может определенным образом восстанавливаться в сознании западного читателя, знакомящегося с ним через труды эмигрантских историков; историографический нарратив является важным средством коммуникации. Весьма примечательно в этом плане предисловие к книге А. Г. Мазура, написанное Дж. Кернером⁴. Российская историография воспринимается им как единое богатырское поле, на котором совершают свои подвиги интеллектуальные герои. «Мало кто из историографов более интересен, чем русские, – пишет он, – и очень немногие столь же вдохновляющи. Читает ли кто-либо увесистые тома Иконникова, или острые наблюдения Миллюкова, философский анализа Кареева, или новейшую марксистскую критику Покровского, его завораживают перспективы, ведущие к пониманию Руси и ее историков» (Mazour, 1939, р. VII). И в конце добавляет: «Пожалуй, ни у одного другого народа историография не была столь богатой, столь разнообразной, столь жизненной, столь показательной. Это наследие надежды и пафоса» (Mazour, 1939, р. VII).

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00397.

² Термин «объясняющий рассказ» принадлежит американскому философу и искусствоведу Артуру Данто. См. [Данто, 2002, с. 192].

³ К сожалению, эта работа оказалась для автора данной статьи недоступной.

⁴ Кернер Р. Дж. (1888–1956) – американский историк, основатель калифорнийской школы историков, специалист по истории России. Известен работами по колонизации Сибири, внешнеполитическим аспектам взаимоотношений России, Японии и Китая.

Список источников

Maksimovic J.F. М.Н. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский // Památník národního písemnictví. Fond Scheidze Konstantin Alexandrovič (№ 230). Maksimovic Jevgenij Filimonovic. Slovanská knihovna v Praze, Trezor, A.V. Florovskij, // T-FLOR. (SK-T FLOR).Krab. XXXVII. Rukopisy; Krab. XXXVI – Recenze N.L. Rubinstejn.

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1609. Оп.1. Д. 3, 41, 46.

Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России // Современные записки. 1923. № 15. С. 394–395.

Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского // Современные записки. 1931. № 46. С. 514–520.

Максимович Е.Ф. Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // Современные записки. 1936. № 62. С. 409–420.

Миллюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Современные записки. 1937. № 65. С. 368–387

Миллюков П.Н. Два русских историка (С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер) // Современные записки. 1933. № 51. С. 311–335.

Миллюков П.Н. Три поколения // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага: Нарва, 1937. С. 13–16.

Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда Русских Академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. С. 467–484.

Ченцов Н.М. Восстание декабристов: Библиография. М., Л.: Госиздат, 1929. 792 с.

Шестаков А.В. Краткий курс истории СССР: Учебник для 3 и 4 класса/ под. ред. А.В. Шестакова. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1937. 223 с.

Florovskij A. La litterature historique russe émigration. Compte-rendu 1927–1929 // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1930. Vol. III /1/2. P. 25–79.

- Florovskij A.* La littérature historique russe émigration. Compte-rendu 1921–1926. // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1928. Vol. I/1/2. P. 81–121.
- Florovskij A.* La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu 1921–1931 // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1935. Vol. VI–VII. P. 1–39.
- Florovskij A.* Gegenstand und Inhalt der «Geschichte Rußlands» oder der «russischen Geschichte» // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1935. Bd 9. (NF Bd 5). H. 3. S. 321–341.
- Gapanovich I.* Russian Historiographie outside Russia. Peiping, 1935. 183 p.
- Histoire de Russie*. Par Paul Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. Paris, 1932–1933. Vol. 1. Des origines à la mort de Pierre Le Grand, 435 p.; Vol. 2: Les successeurs de Pierre le Grand. De l'autocratie appuyée sur la noblesse à l'autocratie bureaucratique. P.439–825; Vol.3: Reforme, reaction, revolution. P. 825–1415.
- Maksimovic E.F.* Doctrine marxiste léniniste appliquée à l'étude concrète de l'histoire // Записки Научного исследовательского общества. Praga, 1938. Т. 7. С. 222–259.
- Mazour A. G.* Modern Russian Historiography. Berkeley, 1939. 130 p.

Библиографический список

- Аксенова Е.П.* Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920–1930-е годы // Славянский альманах. 1997. № 3. С. 130–142.
- Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М.: Наследие, 1994. С. 95–100.
- Антощенко А.В.* Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сб. матер. по историографии (вторая треть XIX века): Учеб. пособие. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. С. 6–21.
- Бондарева Е.А.* Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание «Истории России» или «Русской истории»» // История и историки. 2001: Историографический вестник. М.: Наука, 2001. С. 325–336.
- Вжосек В.* Культура и историческая истина / пер. с пол. К. Ю. Ерусалимского. Н. Новгород: Минин. ун-т; М.: ФЛИНТА, 2019. 456 с.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Советская историческая наука в осмыслении А.В. Флоровского (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 139–156.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике профессорской культуры // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 39–70.
- Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Е.Ф. Максимович: представитель «второго поколения» // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 204–214.
- Гордон А.В.* Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
- Данто А.* Аналитическая философия истории. М.: Б. и., 2002. 292 с.
- Еремеева С.А.* «Окно в культуру» и «зеркало социума»: подходы к изучению некрологических текстов // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 129–145.
- Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1930. Кн. 2. 194 с.
- Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века. / Ин-т рос. Истории РАН. М.: АИРО-XX, 1998. 309 с.
- Корзун В.П.* А.В. Флоровский, Н.Л. Рубинштейн: два измерения историографического процесса // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.). Томск, 2019. Ч. I. С. 320–325.
- Корзун В.П.* История отечественной науки в осмыслении русских эмигрантов (на примере взглядов Г.В. Вернадского) // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы. М.: Мистерство культуры РФ (Российский институт культурологии), 2001. С. 157–163.
- Корзун В.П., Волошина В.Ю.* Советские и эмигрантские историки в оценке П. Н. Милюкова (1920–1940-е гг.): особенности корпоративной памяти // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2020. №1. С.81–89.

- Корзун В.П. А.В. Флоровский как историограф: метаморфозы историографического нарратива в русском зарубежье// Омские научные чтения – 2018: Матер. Второй всерос. науч. конф. (Омск, 10–15 декабря 2018 г.). Омск, 2018. С. 465–467.
- Крих С.Б. Унификация нарратива в советской историографии как научная проблема // Диалог со временем. 2020. Вып. 70 . С. 124–138
- Крих С.Б. Унификация нарратива и свобода научного творчества в послевоенной советской историографии древности // Электрон. науч.-образоват. журнал «История». 2020. Т. 11, вып.1.
- Паишто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.
- Троицкий Ю.Л. Что такое «правда истории»? (Самопорождение смысла в историографическом тексте)// Общественные науки и современность. 2010. № 1. С 105–113.
- Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага, 2001. Т. 2. 639 с.
- Цепилова В.И. А.А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 34. С. 108–114.
- Цепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920–1939 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 16 (154), вып. 32. С. 133–138.
- Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 294 с.
- Шатин Ю. Исторический нарратив и мифология XX столетия// Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 100–108.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.07.2019

CHECKING SOMEONE ELSE'S PRESENT WITH YOUR OWN PAST (ON THE FORMATION OF AN ÉMIGRÉ HISTORIOGRAPHIC NARRATIVE)

V. P. Korzun

Omsk State University, Neftezhavodskaya str., 11, 644053, Omsk, Russia
Korzunv@mail.ru

The article analyzes the historiographic texts of the first wave of Russian émigré historians. In these texts, the Soviet historiographic process of the 1920s and 1930s was interpreted. The relevance of the study is associated both with the poor study of historiographic texts created during that period in emigration, and with the narrative turn of modern historical science, as well as with the experience of understanding the structure and nature of the Soviet narrative, which is beginning to be comprehended and problematized as an independent problem. The study of narratives makes it possible to move away from general assessments of the Soviet stage of historical studies to a more specific description of it through studying the stylistics of the text, isolating the standards and the uniqueness of their construction, with close attention to the problems of their unification. This process can be clarified and refined through the prism of the “emigre mirror”. The source base was the historiographic texts of P.N. Milyukov, A.A. Kizevetter, A.V. Florovsky, and E.F. Maksimovich in the form of published works and manuscript heritage from the archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN) and the Slavic Library in Prague (Slovanská knihovna v Praze). Based on textual analysis and developments in the field of intellectual history, the author highlights the unifying features of the émigré narrative. These include: 1) scholars' understanding of their special mission in emigration which consists of preserving the historiographic tradition and presenting Russian historical science to the world community as part of world science; 2) close attention to the classics, focus on tradition; 3) an assessment of the historiographic process within the framework of the reference time, the Golden age of pre-revolutionary historical science (late 19th – early 20th centuries); the criterion for assessing the current historiographic process was the compliance with the experience of Moscow and St. Petersburg scientific schools; 4) a statement about the lack of freedom of research, the monopoly of Marxist methodology and the hypertrophied class approach in relation to the historicist views of historians; 5) changes in the form and structure of the classic narrative – the proportion of reviews, literature reviews, obituaries in the structure of emigrant narrative was increasing; the deconstruction of the old narrative followed the path of its archaization; 6) the unifying factor that tightened the texts, gave them tension and a special emotional charge, was the figure of M.N. Pokrovsky. However, the verification of the current historiographic process by one's own past is not without contradictions. On the one hand, this ensures the continuity of historiographic knowledge and confirms the thesis of the intrinsic value of the so-called «outdated innovations». In addition, in this

regard, we can talk about the fundamental eclecticism of science as a cultural tradition. On the other hand, the reciprocating nature is fraught with a closure on the old. The absolutization of tradition leads to the blocking of intellectual transfers. In science of science, this process is called the rut effect. As an example of searching for «one's own track», the article presents an attempt by A.V. Florovsky to understand and to clarify the phenomenon of Soviet historiography by coarsening the classical historiographic approach and using the inventory-registration method. As a result, he managed to present the meaningful complexity of the internal structure of Soviet historical science.

Key words: emigrant historiographic narrative, explaining the story, Soviet historiographic process, reference time, classics, Marxist methodology.

References

- Aksenova, E.P. (1997), "Perception of the science of the Russian diaspora in the USSR in the 1920s – 1930s", *Slavyanskiy al'manakh*, № 3, pp. 130–142.
- Aksenova, E.P., (1994), "Historical science of the USSR and Russian diaspora in the assessment of A. Florovsky", in Chelyshov, E.P. (ed.), *Kul'turnoe nasledie rossiyskoy emigratsii: 1917-1940* [Cultural heritage of the Russian emigration: 1917-1940], Nasledie, Moscow, Russia, pp. 95–100.
- Antoshhenko, A.V. (2001), "On the peculiarities of historical knowledge in Russia in the second third of the 20th century", in *Sbornik materialov po istoriografii (vtoraya tret' XIX veka)* [Collection of materials on historiography (second third of the XIX century)], Izdatelstvo PetrGU, Petrozavodsk, Russia, pp. 6–21.
- Bondareva, E.A. (2001), "From the archive of A.V. Florovsky. Synopsis of the article «The subject and content of the "History of Russia" or "Russian history"»", *Istoriya i istoriki. 2001. Istoriograficheskiy vestnik* [History and historians. 2001. Historiographic Bulletin], Nauka, Moscow, Russia, pp. 325–336.
- Danto, A. (2002), *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical philosophy of history], Idea-press, Moscow, Russia, 292 p.
- Eremeeva, S.A. (2019), "«Window to culture» and «mirror of society»: approaches to the study of obituary texts", *Dialog so vremenem*, vol. 67, pp. 129–145.
- Gordon, A.V. (2018), *Istoriki zheleznoy veka* [Historians of the Iron Age], n.p., Moscow, St. Petersburg, Russia, 448 p.
- Hronika kul'turnoy, nauchnoy i obshchestvennoy zhizni russkoy emigratsii v Chexoslovatskoy respublike* (2001) [Chronicle of the cultural, scientific and social life of the Russian emigration in the Czechoslovak Republic], Slovan. úst. AV ČR, Praga, Czech Republic, vol. II, 639 p.
- Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii 20-30-kh gg. XX veka* (1998) [Historical science of the Russian emigration of the 1920-s – 1930s], AIRO-XX, Moscow, Russia, 309 p.
- Korzun, V.P. (2001), "The history of Russian science in the understanding of Russian emigrants (on the example of the views of G.V. Vernadsky)", in *Rossiyskaya intelligentsiya na rodine i v zarubezh'e: novye dokumenty i materialy* [Russian intelligentsia at home and abroad: new documents and materials], n.p., Moscow, Russia, pp. 157–163.
- Korzun, V.P. (2018), "A.V. Florovsky as a historiographer: metamorphoses of historiographic narrative in the Russian diaspora", in *Omskie nauchnye chteniya – 2018: materialy Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Omsk Scientific Readings - 2018: materials of the Second All-Russian Scientific Conference], Izdatelstvo Omskogo universiteta, Omsk, Russia, pp. 465–467.
- Korzun, V.P. (2019), "A.V. Florovsky, N.L. Rubinstein: two dimensions of the historiographic process", in *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo). Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (Tomsk, 3-4 oktyabrya 2019 g.) [Historian's creative laboratory: horizons of the possible (to the 90th anniversary of the birth of B.G. Mogil'nitsky)], Izdatelstvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia, vol. 1, pp. 320–325.
- Krikh, S.B. (2020), "Narrative unification and freedom of scientific creativity in post-war Soviet historiography", *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, vol. 11, № 1.
- Krikh, S.B. (2020), "Narrative unification in Soviet historiography as a scientific problem", *Dialog so vremenem*, vol. 70, pp. 124–138.
- Pashuto, V.T. (1998), *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian émigré historians in Europe], Nauka, Moscow, Russia, 398 p.
- Shatin, Ju. (2002) "Historical narrative and mythology of the 20th century", *Kritika i semiotika*, vol. 5, pp. 100–108.
- Troitskiy, Ju.L. (2010), "What is "truth of history"? (Self-generation of meaning in a historiographic text)", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, № 1, pp. 105–113.
- Tsepilova, V.I. (2005), "A.A. Kiesewetter in emigration (1922–1933)", *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, № 34, pp. 108–114.
- Tsepilova, V.I. (2005), *Istoricheskaya nauka russkogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (1920–2004 gg.)* [Historical science of the Russian Diaspora: problems of historiography (1920–2004)], Izdatelstvo Uralskogo universiteta, Yekaterinburg, Russia, 294 p.

- Tsepilova, V.I. (2009), "From the historiographic heritage of the Russian emigration (1920–1939)", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, № 16, vol. 32, pp. 133–138.
- Voloshina, V.Ju. & V.P. Korzun (2017), "The emigrant period of A.A. Kiesegetter in the optics of professorial culture", *Dialog so vremenem*, vol. 58, pp. 39–70.
- Voloshina, V.Ju. & V.P. Korzun (2019), "E.F. Maksimovich: representative of the "second generation"", *Dialog so vremenem*, vol. 68, pp. 204–214.
- Voloshina, V.Ju. & V.P. Korzun (2020), "Soviet and émigré historians assessed by P. N. Milyukov (1920–1940s): features of corporate memory", *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, № 1, pp. 81–89.
- Voloshina, V.Ju., Korzun, V.P. (2020), "Soviet historical science as understood by A.V. Florovsky (the 1920s – 1930s)", *Dialog so vremenem*, vol. 70, pp. 139–156.
- Vzhozek, V. (2019), *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and historical science], Minin. un-t, FLINTA, N. Novgorod, Moscow, Russia, 456 p.
- Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage* (1930) [Notes of the Russian Historical Society in Prague], n.p., Praga, Czech Republic, 194 p.